

Януш Леон Вишневский

Неодолимое желание близости

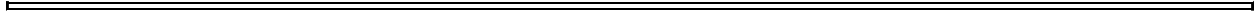

Annotation

В своей новой книге Януш Вишневский пишет о том, как повсюду — от Москвы до острова Бора-Бора — мужчины и женщины мечтают о любви и близости. Рассказывая свои истории, писатель убежден: стремление к счастью не зависит от места жительства, социального положения и цвета кожи.

- [Януш Вишневский](#)
 - [Цветы, книги и мечты](#)
 - [Неполноценность](#)
 - [О грусти](#)
 - [Неодолимое желание близости](#)
 - [Ненавистный рай](#)
 - [Мачеха](#)
 - [Беременность во время кризиса](#)
 - [Кубики на полу](#)
 - [Закономерный ход событий](#)
 - [Ученые и поэты](#)
 - [Вина, наказание и эволюции](#)
 - [Вокзал в Гданьске](#)
 - [Справедливость](#)
 - [Дружба: версия 2.0](#)
 - [Любовь в закоулках памяти](#)
 - [Состязание умов](#)
 - [Ventral palladium](#)
 - [Биография женственности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

Януш Вишневский
Неодолимое желание близости

Цветы, книги и мечты

Если честно, я вовсе не хочу продавать автомобили. И никогда не хотела. Если бы у меня был выбор, я с большим удовольствием продавала бы цветы. И книги. Я открыла бы свое кафе, вход в которое лежал бы через цветочный магазин. Книги стояли бы там на деревянных полках и даже лежали возле столиков.

А официантки, с белыми цветком в волосах, подавали бы кофе и рассказывали посетителям их содержание. Мои официантки непременно читали бы все книги, которым нашлось место в моем «цветочном» кафе, учили наизусть как минимум по одному стихотворению из каждого поэтического сборника и по желанию посетителей могли его продекламировать. И неважно, обожают девушки именно такие стихи и прозу или на дух не переносят, — они были бы обязаны все это читать и запоминать. Не знаю, где бы я нашла таких официанток, тем более не представляю, откуда брала бы ежедневно свежие цветы, которые растут на островах Французской Полинезии. Это далеко. Кофе с экзотическими названиями сортов мне тоже привозили бы издалека, а цветы — из еще более отдаленных мест. Людей же, что приходили бы в мое кафе, я воспринимала бы как близких друзей. Я знала бы всех своих клиентов по именам, никогда бы не путала любовниц с женами. И любовников с мужьями. Если бы они захотели другие книги, я бы им их привезла, если бы захотели другие цветы — тоже. Когда у тебя есть цветы с Бора-Бора, все остальное оказывается значительно ближе, чем это было до цветов. Во всяком случае, я думаю, что это так. Ведь мне всего двадцать пять, и у меня необычные мечты. Вы и сами прекрасно знаете: все начинается с мечты, в том числе бизнес-план, не так ли?

Но пока что я не продаю ни цветов, ни книг. Я продаю автомобили. И езжу до работы на метро. Это не значит, что машины меня не интересуют. Интересуют. Особенно те, что с большим, удобным задним сиденьем, на которое можно лечь. Но пока что я не хочу ложиться на такое сиденье ни с одним мужчиной, а иметь машину во Франкфурте довольно обременительно, в основном из-за проблем с парковкой. Автомобили, которые я продаю, поставляют из Азии. Но не из Японии. И у меня нет денег ни на цветочный магазин, ни на кафе с книгами. Но я очень хочу его открыть. Вернуться во Вроцлав и жить, зарабатывая на цветах, кофе, книгах и... на интеллекте и хорошей памяти официанток. Я хотела бы еще

немного поработать здесь, чтобы накопить «стартовый капитал». Но если вы опишете мою мечту, вдаваясь в детали, мне вряд ли удастся сохранить место. В нашей фирме нет профсоюза. Теоретически мы бы могли его организовать, но первый, кому придет это в голову, будет немедленно уволен, независимо от того, во что обошелся бы судебный процесс и сколько пришлось бы выплатить в возмещение морального ущерба.

Я продаю автомобили. В стеклянном офисном здании. Я работаю на третьем этаже, а на пятом нам недавно предоставили так называемую комнату отдыха, или, как ее метко окрестила наша уборщица-турчанка: «Выспись на работе». Это теперь такой тренд, который проник и в Польшу. Более ста квадратных метров за эллиптическим стеклом от пола до потолка. Посредине — две кровати с водяными матрацами, письменный стол, на котором стоит компьютер с беспроводным Интернетом, два телефона и алебастровый фонтан, наполняющий помещение, как принято считать, «ароматом Азии». Хотя азиаты, которые у нас работают, не чувят в этом аромате никакой Азии. А европейцы говорят, что там пахнет духами любовницы шефа. Я не обращаю внимания на этот запах. Во всяком случае, до тринадцати сорока пяти. Я прихожу туда ровно в тринадцать тридцать, раздеваюсь и принимаю душ в ванной комнате. Овальная стенка душевой кабины тоже прозрачная, и сквозь нее видны очертания высотных зданий Франкфурта. Когда я стою там, мне кажется, что вода стекает не только по моему телу, но и по стенам всех высоток города. Полный отпад, оплаченный, скорее всего, за счет сотрудников, а также на средства, сэкономленные в результате последних сокращений. Хотя официально сокращения проводили «из-за кризиса».

Я не сушу волосы, ведь ему нравится, когда они мокрые. Без четверти два я слышу стук в дверь. Завернувшись в полотенце, открываю, а потом сразу вставляю ключ в замок и запираю дверь изнутри, чтобы никто не вошел. Мы садимся на одну из кроватей. У меня нет ощущения, что это всего лишь chillout, расслабление. Я испытываю совсем иные чувства. Какое-то время мы молчим. И пока молчим, мне порой приходит в голову, что он не такой уж хороший человек. Он всего лишь очень красив, временами бывает чутким, а еще у него бархатный голос. Я уверена, что точно так же думают о нем немало женщин. Возможно, и его жена. Но стараюсь об этом забыть. В такие минуты он только мой. У меня есть мечты, а он разбирается в литературе и цветах. У него красивые руки. И губы. Невозможно угадать, какие цветы он мне подарит, когда я в одном полотенце встречу его в дверях. Он итальянец из Неаполя и живет во Франкфурте уже двадцать лет. Десять лет назад его, как говорится, «увели»

из компании «Фиат». Он тоже продает автомобили в нашей фирме. Но в отличие от всех остальных, еще и читает книги. Он входит в комнату, целует меня и прикасается лепестками цветов к моему лицу. Затем садится на одну из кроватей и читает мне вслух книгу, которую выбрал специально для меня. А я ложусь, закрываю глаза и слушаю его голос. Через некоторое время его дыхание учащается. Тогда я сбрасываю полотенце и лежу обнаженная. И тогда он откладывает книгу в сторону...

Неполноценность

Я к ним прикасаюсь. Осторожно провожу пальцами, потом беру в руки и, уже в полной мере насладившись прикосновениями, прижимаю к губам...

Нет. Не так! Сначала вдыхаю запах и только потом притрагиваюсь. Знаете ли вы, как пахнут туфли, о которых мечтаешь?

И не надо говорить, что они пахнут кожей. Обувь вообще-то всегда пахнет кожей. Как и уздечки для лошадей. А еще — охотничьи сумки и портфели. Но не туфли! Во всяком случае не те, которые коллекционирую я. Они пахнут прежде всего Миланом, Римом, Барселоной, Провансом, ну а потом — моими мечтами.

У меня, как утверждает мама, врожденное фетишистское отношение к туфлям. Чтобы купить самые дорогие, мне пришлось больше года терпеливо откладывать из стипендии, а еще добавить все, что я ежемесячно получала от бабушки на карманные расходы, и редкие алименты от отца, которые, кстати, мне переводит банк, расположенный в окрестностях Барселоны, где он уже десять лет живет с женщиной не намного старше меня.

Отец лишь однажды пригласил меня к себе. Я очень старалась полюбить его новую жену. И делала всё, чтобы она полюбила меня. Не получилось. У нее не получилось. И все же, несмотря ни на что, я ее люблю. Ведь она родила мне единокровную сестренку. Я всегда хотела иметь сестру. Но это неважно...

У Агнешки большие глаза и длинные, спадающие на плечи волосы. Ей двадцать лет. Она красивая и робкая.

Умолкнув, она нервно откидывает со лба пряди волос. Если пауза затягивается, кладет руки на колени и, закусив губу, опускает глаза. Она старается не смотреть на окружающих, словно понимая, что к ней проявляют недвусмысленный интерес мужчины, сидящие напротив — у барной стойки гостиничного ресторана.

Вы спрашиваете, как я с этим живу? Почти нормально, хотя мама говорит, что я живу как раз совершенно «ненормально». Она сравнивает мою жизнь с жизнью спортсменки, занятой в соревнованиях по экстремальным видам спорта. И видит отличие лишь в том, что у меня такие «соревнования» проходят каждый день. Но это не так.

Я делаю почти все то же самое, что и другие в моем возрасте. Учусь,

зарабатываю на учебу, путешествую, хочу влюбиться. Но есть то, чего я делать не могу. Например, ходить в горы, поскольку без посторонней помощи мне трудно подняться наверх даже из варшавского подземного перехода.

Я не могу зарабатывать на учебу официанткой, не могу танцевать. То есть могу, но стесняюсь. Скажем так, я — «неполноценная».

Официально мой диагноз звучит как «спастичность мышц ног», которая почти всегда сопровождается «спастичностью» души. Это проблема скорее психического, чем физиологического характера.

Физическую боль можно заглушить трамадолом, заддиаром, миоластаном, и на какое-то время она проходит. Сегодня у меня ничего не болит, поэтому я не на таблетках и могу спокойно выпить с вами вина. Я очень хотела, чтобы сегодня у меня ничего не болело. Чтобы подавить душевную боль, мне нужно перестать думать и вслушиваться в себя. А вы сами знаете, что это невозможно. Нельзя отключить процесс мышления. А в моем случае это даже небезопасно.

Знаете, я очень люблю жить. Получать разнообразные впечатления. Как можно больше! В ваших книгах эмоциональные переживания — самое главное, но я читаю их не только поэтому. И не для того приехала в Варшаву, чтобы вам об этом сказать. Я приехала сказать, что читая ваши книги, поняла одну важную вещь.

Теперь я уверена, что не должна соглашаться на «хоть бы какого» мужчину. То, что я «неполноценная», вовсе не означает, что я хуже других. Вы описываете прекраснейшие истории любви людей, даже более «неполноценных», чем я. У меня всего-навсего ноги не совсем такие, как у других. Поэтому я не могу ходить так, как ходят остальные женщины.

Не знаю, зачем я прячу ноги под длинными платьями и юбками. Они такие же, как у всех женщин. Может, даже лучше. Я забочусь о них, как мать о новорожденном ребенке. Они просто не совсем здоровы. Когда я встаю, мне нужно вначале как бы «прислушаться» к своим ногам. Но ведь и вы постоянно прислушиваетесь к своему сердцу, правда?. Значит, оно тоже не совсем здорово. «Хромает», как мои ноги.

У нас с вами разные диагнозы. У вас — аритмия, у меня — спастичность. Сердце важнее, чем ноги, но хромоту, к сожалению, не скроешь. В особенности, если ты женщина.

Вы заметили этих типов у барной стойки? Они жадно вперились в мою грудь. И скорее всего, пытаются представить, какие у меня ноги. Для большинства мужчин женщина состоит исключительно из ног, заканчивающихся влагищем, груди и губ. Через секунду я встану из-за

столика, пройду в туалетную комнату, и они перестанут на меня глазеть. Это я гарантирую. Хотите, поспорим?

Пока, сосредоточившись на своих ногах, я буду медленно добираться до туалета, вы воочию увидите, как у них понизится уровень тестостерона, который сменит гормон сочувствия. Вы, возможно, даже знаете его название и структуру, не так ли?

Подобные мужчины меня не интересуют. Не для таких, как они, я ношу в кармане помаду. И не для них покупаю себе туфли. Знаете, что я получила в последний раз на именины от однокурсника? Он подарил мне безвкусные, совсем не пахнущие мечтой дешевые туфли на шпильках. Представьте себе, этот нахал сказал мне: «Я знаю, ты не сможешь в них ходить, но я бы очень хотел, чтобы ты их надела, когда ляжешь со мной в постель». Я выбросила его подарок в мусорное ведро.

Для моего мужчины у меня уже есть туфли — из зеленой, нежнейшей замши. Время от времени я прикасаюсь к ним и прижимаю к губам...

О грусти

Широкая асфальтовая аллея, покрытая подмерзшими лужами, ведет к воротам одного московского кладбища.

Снег припорошил монументальную красную звезду, приваренную к ржавому сооружению из стальных труб, венчающих ворота. По обе стороны от звезды висят огромные щиты с рекламой новейших моделей сотовых телефонов. Крикливые торговки в валенках и пестрых платках на головах пытаются навязать вам дешевые букеты пластмассовых цветов.

В стороне, у бетонного столба ворот, исчерченного граффити, я замечаю миниатюрную женщину. Слишком просторный черный плащ висит на ней мешком, седые, почти белые волосы затянуты в пучок. Она смотрит то на зажатую в руках фотографию, то на лица людей, проходящих мимо.

Я торопливо подхожу к женщине, робко протягиваю ей руку. Она крепко пожимает ее и долго всматривается мне в глаза. Потом улыбается. Мы молча входим на кладбище.

— Маша не любит, когда я плачу, — произносит она тихо и медленно, когда мы останавливаемся у гранитного надгробия. С овальной фотографии на коричневом камне улыбается молодая женщина. — Поэтому здесь я никогда не плачу, — добавляет она. — И во время похорон не плакала. Иначе она бы расстроилась. Знаете, Машенька вела себя как-то не по-русски, она никогда не показывала, что ей грустно. Так же, как ее бабушка, как отец, как я... Хотя было столько грустного...

Я встретил Марию немногим более года назад. Это была веселая, улыбчивая женщина. Сейчас ей было бы двадцать шесть.

В сентябре 2007 года я прилетел в Москву рассказывать о своих книгах. Впервые. Когда-то я полагал, что Советская Россия — это навечно, и я всегда успею в нее съездить. А потом, уже в новую Россию, с ее олигархами, для которых Эрмитаж — всего лишь «чистое и скромное место», меня не особенно тянуло.

Мария по поручению моего петербургского издательства организовала мне встречу с российскими читателями. Выпускница двух факультетов Московского университета, она знала три языка. Готовясь к моему приезду, читала польские книги, изучала историю Польши. Мы с ней так и не перешли на «ты».

Обращаясь к ней, я никогда не называл ее Машей, только Марией. Но

вернувшись домой, вспоминал ее как очень близкого человека — теплого, заботливого и невероятно чуткого. Многие люди входят в нашу жизнь совершенно случайно. Кто-то на несколько дней, иные — на несколько часов. Лишь немногие остаются с нами навсегда. Нечасто, но такое бывает. И тогда мы начинаем думать, что их послала нам Судьба. С большой буквы.

Именно таким человеком была для меня Мария. Она старалась объяснить мне Россию — сегодняшнюю, шизофреническую, разрывающуюся между крайностями: испорченным, гнилым московским и петербургским декадансом и нищетой подмосковных деревень, где люди травятся тормозной жидкостью и бытовой химией.

Она убеждала меня, что нынешнюю Россию лучше описывает психоделический Достоевский, чем эпический Толстой. Оба говорят о русской тоске, которую принято заливать водкой, но каждый по-разному.

Мария считала, что в наше время Достоевский каждый день заканчивал бы попыткой самоубийства, а Толстого, будь он современным писателем, вообще бы никто не читал.

В декабре 2008 года я в очередной раз прилетел в Москву. В аэропорту искал глазами Марию. Но ее не было. И не могло быть. В мае она мчалась по московским улицам на мотоцикле с мужчиной, которого не любила, но от которого не могла избавиться, чтобы не ранить, и погибла в аварии.

— А вы знаете, что Маша писала стихи? И о вас тоже. И хранила ваши фотографии, — вывела меня из задумчивости женщина. — Она писала очень грустные стихи. Маша умела глубоко сопереживать. Всем и всему. Даже рыбам. Когда мы жили во Владивостоке, отец часто брал ее с собой на рыбалку. Когда отец не видел, Машенька доставала из ведра пойманных рыб и выпускала в прорубь. Он ни разу не пришел на это кладбище. Он слабый человек. Не видя ее могилы, ему проще верить, что, может быть, Маша когда-нибудь еще появится в его жизни... Мы с ним о ней не говорим. Мне это запрещено. Он оставил меня наедине с моей болью. Считает, что родители не должны жить дольше своих детей. И никогда не говорит о Маше в прошедшем времени. Мой муж — неумный человек, хотя и профессор университета. Вы часто пишете о смерти. И много. Слишком много. У вас что, есть русские корни? Еще вы много пишете о Боге. О том, что Он упрямо молчит. Вы думаете, у Бога есть основания молчать? Ведь Маша ничего плохого Ему не сделала. Ничего. Я перестала ходить в церковь. Не могу Ему это простить. Пока еще не могу. А знаете, Машенька ради вас учила польский язык... Она не хотела вас забывать. Не нужно плакать, пан Януш, не нужно...

Неодолимое желание близости

Когда меня спрашивают, чем занимаюсь, я отвечаю, что помогаю людям влюбиться. Пожалуй, я бы назвала это так. Хотя в последнее время уже не совсем уверена. По профессии я переводчик. Окончила университет в Санкт-Петербурге, защитила диссертацию по английской филологии в Екатеринбурге. Работаю в брачном агентстве в Великом Новгороде. Это небольшой, но древний город, расположенный недалеко от Петербурга, примерно в двухстах километрах по автострате...

В мои обязанности входит перевод с русского на английский и наоборот писем, причем нередко с интимными подробностями.

В последнее время, правда, я ничего не перевожу. Пишу письма сама — от начала и до конца. Потому что женщин, которые к нам приходят, чувства уже не интересуют. Они хотят одного: выйти замуж и уехать отсюда как можно дальше. Но об этом нельзя писать сразу, вы же понимаете...

Сначала хоть немного сентиментальной чепухи, например, о «полном одиночестве и «неодолимом желании близости». Я говорю им об этом. И тогда женщины рассказывают свои истории, а я должна вжиться в них и почувствовать своими. И, изящно лукавя, все описать. Еще ни разу не было так, чтобы, слушая их, я не переживала то же, что пережили эти женщины.

С того момента, как пишу первое письмо от лица какой-нибудь из них, я начинаю жить ее жизнью. Начальник утверждает, что у меня «прекрасное сердце», и выдает мне самые большие премии. Но поверьте, я делаю это вовсе не ради премий!

Не ради денег я беру их имена, вникаю в изуродованные судьбы, превращаюсь в дочь их родителей, сестру их братьев, а также обладательницу полуобнаженной груди и открытых ног на фотографиях, прикрепленных к письму. Порой я становлюсь матерью ребенка, который родился в браке — «к счастью, в прошлом», или вне брака — «как-то так, по глупости».

О детях они не умалчивают. Как правило. Но прежде всего я рассказываю о заветных мечтах, которых у них нет, а если даже есть, они не хотят или не умеют о них рассказать. Некоторые даже не хотят читать письма, написанные от их имени. Единственное, чего они хотят, — это прийти в один прекрасный день к нам в офис и узнать, что «он наконец созрел и прилетает в Санкт-Петербург или Москву».

Тогда они выбегают из офиса переполненные счастьем, начинают морить себя голодом, чтобы похудеть за несколько оставшихся до встречи с женихом дней или недель, покупают в книжных магазинах разговорники и учебники английского, копят деньги на парикмахера, косметолога, а в последнее время — даже на пластическую операцию.

Как ни пытаюсь им объяснить, до них не доходит, что первое свидание еще ничего не значит. Мужчины — в большинстве своем немолодые, примерно вашего возраста — обычно прилетают в Москву или Санкт-Петербург на уикенд, рассчитывая просто на секс с молодой девушкой.

Оставляют ей маленький сувенир и большие надежды — и улетают. Навсегда. Чаще всего так поступают испанцы, итальянцы и немцы — я говорю так, потому что от них потом писем больше не приходит. Зато приходят от японцев, швейцарцев и... поляков. Но больше всего — от японцев.

Вы будете правы, если скажете, что эти женщины чересчур наивны. Но их наивность — от отчаяния. Вы ведь еще не видели настоящей России. Она начинается километрах в двадцати от того места, где жители Санкт-Петербурга и Москвы строят себе дачи. Там вы никогда не бывали, правда?

В настоящей России мало надежды на любовь и ту жизнь, какую вы описываете в своих книгах. Зато есть много водки, дни похожи один на другой, а смысл жизни и перспективы хоть каких-то перемен полностью отсутствуют. У этих женщин есть только их молодость, красота и мечты, позаимствованные у героинь телесериалов.

Нет, беру свои слова обратно! Эти женщины вовсе не наивны. Они верят в судьбу и настроены очень решительно. Если у мужчины с фотографии, прикрепленной к письму, есть ноги и руки, чего еще надо? Вы видели когда-нибудь японца старше шестидесяти с косоглазием? Я видела...

Мне хотелось бы уметь писать так, как вы. Чтобы издавать книги, делиться с миром историями, что вертятся у меня в голове. Знаете, человеческая память — странная вещь. Она упрямо хранит то, что хочется как можно скорее забыть. А я ничего не могу забыть. К тому же у меня «прекрасное сердце».

Я, например, с удовольствием выбросила бы из головы историю Ларисы, которая стала в Москве проституткой. Она поехала туда на свидание с итальянцем, который, кроме писем, регулярно присылал ей букеты цветов через международную сеть цветочных магазинов «Fleuror». Это обошлось ему в несколько десятков евро. Почти что даром. Когда автомобиль со свежими цветами, в том числе зимой, появлялся перед

домом Ларисы, соседи обсуждали это неделями. До следующей доставки.

В Москве, после первого же свидания со своим итальянцем, она забеременела. Лариса — обаятельная армянка. Она жила в двухкомнатной квартире с родителями, бабушкой, дедушкой и четырьмя братьями, у двух из которых есть жены. Когда живот у нее округлился, а машины с цветами перестали приезжать, братья объявили, что Лариса им больше не сестра. Убеждения и религиозные взгляды не оставляли им другого выбора.

Иногда Лариса звонит мне из Москвы. Робко спрашивает про итальянца. Я пытаюсь врать, отвечая, что «может, ему нужно время, и он наконец напишет». Хотя знаю: нет, не напишет. Все отправленные ему письма возвращаются с пометкой: «Адресат неизвестен». Но я не хочу убивать в Ларисе надежду. Не имею права. В самом деле, вдруг он все-таки напишет...

Ненавистный рай

Ринея родилась на седьмой волне. Ее мать, когда пришло время, пошла на пляж и села спиной к океану. Считала волны.

Седьмая всегда — самая мощная. Почувствовав спиной силу ее удара, роженица начала тужиться. Женщины, собравшиеся на пляже, смотрели ей между ног.

Как только она вытолкнула плод, старшая из женщин острым краем раковины перерезала пуповину. Муж роженицы отделил от плода послед и вернулся с ним к дому, чтобы закопать под деревом, тем самым, под которым его отец закопал послед своей дочери.

На следующий день, с восходом солнца, он вышел на каноэ далеко в океан и выбросил в глубины вод пуповину, которую принесли ему женщины. Ведь океан огромен, он священен, он... Он — всё... Им всё начинается и всё заканчивается.

Ринея родилась именно так двадцать лет назад, поздним вечером, на пляже острова Хатуту из архипелага Маркизских островов Французской Полинезии. До сей поры она не встречала никого, кто знал бы, где находится Хатуту, поэтому, когда спрашивают, где она родилась, обычно отвечает: «Неподалеку от того места, где рисовал и умер Поль Гоген».

Французам это еще о чем-то говорит. Американцы, в большинстве своем, о Гогене не слышали, Впрочем, им неизвестно и слово «архипелаг», в чем они признаются без всякого стеснения. Немцы тоже не имеют об этом ни малейшего понятия, но утвердительно кивают, делая вид, будто на самом деле знают, о чем идет речь. Поляки? Поляков Ринея до сегодняшнего дня не встречала.

— Вы первый поляк, которого я вижу своими глазами, — говорит она и добавляет: — хотя я когда-то видела Шопена на фотографии. Вот только не знаю, поляк он или француз.

Ринея работает в так называемом «librairie», проще говоря, в книжном магазине. Так в совсем маленьком городке Вайтапе на Бора-Бора местные называют лавку, в которой, кроме кока-колы, кремов для загара, досок для серфинга, а также жемчуга, продаются также газеты и несколько путеводителей, гордо именуемых книгами. Но самое главное — жемчуг.

Настоящий черный жемчуг можно встретить только на островах Французской Полинезии. Остальной, по мнению Ринеи, — подделка. Шею Ринеи украшает ожерелье из жемчуга. Эти жемчужины на самом деле не

черные. Они голубые, зеленые, со стальным отливом, коричневые. И идеально гармонируют с цветом ее больших, печальных глаз и загорелой кожей.

— Их вырастил мой отец, — говорит она, — еще на Маркизских островах. — Он подарил мне это ожерелье на восемнадцатилетие. После того как мама родила на пляже моего братика, мы перебрались на Таити. Мама больше не хотела рожать детей на пляже. Поэтому самый младший родился, как и вы, в больнице, в Папее на Таити. Но отец был там несчастлив. Слишком много людей, машины, каменные дома, шум, да и пляж далеко. И никакой седьмой волны. Он увез нас на Бора-Бора. Здесь тоже есть машины, но меньше. К тому же тут он может спокойно вырезать свои «тики». И продавать. А если ничего не продаст, всегда может порыбачить. Тики — это языческие божки. Лучше всего, когда они вырезаны из вулканической породы. Самые большие тики находятся на острове Пасхи. Когда я родилась, отец вырезал из камня своего первого тики. У него большие глаза, и он смотрит на океан. У всех тики большие глаза, а еще, уж не знаю почему, — пенисы. Это довольно странно, потому что у полинезийцев, как правило, очень маленькие пенисы. Когда душа умершего переселяется в тики, его глаза увеличиваются, и статуя видит больше и дальше, чем видел человек. Когда я умру, моя душа тоже переселится в тики. И я буду вечно смотреть на океан глазами, которые будут больше, чем у моих бабушки и матери. Насчет того, что глаза станут больше, мне кажется, это ерунда. Но мой отец в это верит. Я — нет. Больше того, я вообще не хочу смотреть на океан, когда умру. Тем более целую вечность. Я уже насмотрелась на него при жизни. Это он отделяет меня от настоящего мира. Я не хочу провести всю жизнь на шестнадцатой параллели, у экватора, на острове, где нормальные люди проводят только медовый месяц. Сколько времени может длиться медовый месяц?! Две, три недели? Сколько раз можно приходить в восторг от разнообразных оттенков синевы океана и яркой окраски рифовых рыб? Если дать этим рыбам имена, через неделю можно проверять их присутствие по списку. Каждый день одно и то же. И вскоре уже хочется вернуться домой, в свою постель, в родной город, где настоящие книжные магазины, театры, кино, университеты, а зимой идет снег и ждешь прихода весны. Здесь нет ни весны, ни зимы. Здесь всегда только лето. До тошноты. Это неправда, что дети, зачатые на Бора-Бора, счастливее других, потому что начали жизнь в раю. Не только зачатые, но и рожденные на Бора-Бора ничем не счастливее детей из вашего Франкфурта. Нет! Никакой это не рай. Я ненавижу синеву океана со всеми ее оттенками! Я сыта по горло жизнью на красочной

открытке с потрясающими видами. Я завидую каждому самолету, который отсюда улетает. Мне хочется провести медовый месяц в каком-нибудь огромном, переполненном людьми мегаполисе со множеством высотных домов, где никто никого не знает, вода прозрачная и течет из крана, и можно слушать радио, стоя в пробке, а вечером надеть красивое платье и туфли и пойти в оперу. Здесь, кроме туристов, мало кто знает, что такое опера, а кожаные туфли надевают только на свадьбу и на покойника, когда кладут его в гроб. О том, что бывают автомобильные пробки, тут узнают из телевизора. В свой медовый месяц я хочу каждый вечер помогать мужу снимать костюм. Глаза б мои не глядели на мужчин во влажных бермудах и застиранных футболках. А скажите, поляки носят костюмы?

Мачеха

Это будет второе Рождество, которое он проведет в доме отца.

То есть второе с тех пор, как он познакомился с мачехой и единокровной сестрой.

Сложнее всего ему приходится, когда наступает время преломить облатку [\[1\]](#).

Первым делом — с отцом. Это как раз не требует особых усилий. Он молча обнимает отца, который стоит со слезами на глазах и тоже не может выдавить из себя ни слова. Затем мягко отстраняется, отламывает кусочек его облатки, вначале глотает слезы, потом облатку и снова прижимает отца к себе. И снова плачет, и снова молчит. Его отец всегда плакал молча...

Он прекрасно помнит тот последний раз, когда мама кричала на отца. Она сидела на диване, курила, пила вино и все говорила, говорила, часто срываясь на крик. Посредине комнаты, на заляпанном ковре, стоял черный чемодан. Мать повернулась к отцу спиной, а ему велела уйти в свою комнату. Он вышел, закрыл дверь и стал подслушивать. Мама кричала долго. Утром она отвезла его в школу, а через несколько дней они вдвоем улетели в Ирландию. В аэропорту он до последней минуты искал глазами отца, но так и не нашел.

Новый папа, Брайан, отвозил его в новую школу в Дублине, а по вечерам учил английскому. Потом родилась Кася, и он уже сам ездил в школу и возвращался вечером домой. На автобусе, с пересадкой. Для Брайана он перестал существовать. Совсем. И через несколько месяцев к этому привык. А английский выучил уже самостоятельно.

Однажды, случайно, он наткнулся у дома на почтальона. На конверте увидел свои имя и фамилию. Прочел письмо от отца. Первое за четыре года, хотя отец писал ему каждую неделю. В тот день он не пошел в школу. А вечером, за ужином, сказал матери по-английски, чтобы слышал Брайан:

— Сегодня среда. В субботу я улетаю в Польшу. Отец пригласил меня на рождественские праздники. Мой отец. Ты его помнишь, мама? Я — помню. Отдай мне его письма.

Потом он пошел к телефону и позвонил в Гданьск. Через два дня курьер передал ему распечатку электронного авиабилета в Польшу. А вечером мать пришла к нему в комнату:

— Твой отец любил только себя. Свои проекты, свою фирму и свою карьеру, которую, впрочем, так и не сделал. Только когда родился ты, он

вдруг обнаружил, что у него есть семья. Но было уже поздно. Когда-нибудь ты все поймешь, — сказала она, положив рядом с компьютером стопку писем, перетянутых красной резинкой. Он не стал их читать.

В аэропорту Гданьска его встретил отец.

Полный мужчина в очках, в слишком тесном пиджаке и грязных ботинках стоял, высоко подняв над головой руки, и держал картонную табличку, на которой были написаны имя и фамилия.

Он подошел к отцу не сразу, сначала попытался вызвать в памяти его образ четырехлетней давности. Поэтому немного потоптался в сторонке, у турникета, за дверью, ведущей в зал прилета.

Отец хотел его обнять. Ему этого не хотелось, и они пожали друг другу руки. Поехали на такси по направлению к унылому микрорайону. В машине молчали. Потом на вонючем лифте поднялись наверх.

Дом он помнил смутно, а вот эту вонь в лифте вспомнил моментально. На десятом этаже, у двери, их ждала молодая женщина. Рядом, ухватившись ручонками за ее юбку, стояла девочка с голубыми, распахнутыми от любопытства глазами. Девочку звали Кася. Еще одна единокровная сестра по имени Кася...

Ему отвели отремонтированную к его приезду комнату сестры, а малышку отец с Моникой приютили у себя в спальне.

Моника делала все, чтобы ему было хорошо. Как будто хотела доказать, что может быть ему хорошей матерью. Но чем больше она старалась, тем больше он это игнорировал.

Ему казалось, что любая благодарность, любой жест симпатии в адрес Моника будет предательством по отношению к матери.

Утром они сидели с отцом на кухне, вдыхая аромат макового пирога, пили чай и разговаривали. В какой-то момент отец спросил о матери. Как ему показалось, сухо, из вежливости, словно «для галочки». Такое равнодушие его задело. Ведь мать была для него самым близким человеком.

— Зачем спрашиваешь, если тебя это совершенно не интересует?! — выкрикнул он.

Тогда к нему подошла Моника и тихо спросила:

— Ты вообще знаешь, как твоя мать обошлась с отцом?

— Не хочу знать! Это вообще не твое дело! И нечего тут лезть из кожи вон. Тебе никогда не стать такой, как она. Никогда!

Он резко вскочил, расплескав чай, хлопнул дверью и вернулся в «свою» комнату.

Вечером, когда они преломили облатку и поздравили друг друга с

Рождеством, ему не удалось найти слов, чтобы попросить у мачехи прощения. Хотя очень хотелось. Но Моника, кажется, догадалась об этом, потому что она сжала его руку и молча улыбнулась...

В этом году он прилетел в Польшу на Рождество второй раз. Моника встречала его вместе с отцом, и он ее поцеловал. В комнате Каси его ждал компьютер, а на ночном столике у кровати стояла в рамочке выцветшая фотография матери.

Вечером, за рождественским ужином, он решил: первой, с кем он преломит облатку, будет Моника. И снова не мог выдать из себя ни слова...

Беременность во время кризиса

В лаконичной заметке, опубликованной на следующий день в бульварной газете, было написано о «беспрецедентном нападении психически больной польки тридцати пяти лет, которая, угрожая пистолетом работнице Центра занятости, требовала...»

В этом тексте не было почти ни слова правды. Нападение не было «беспрецедентным». Уже дважды люди в отчаянии размахивали муляжами пистолетов в этом учреждении.

Прецедент заключался лишь в том, что у этой женщины пистолет был настоящий. Не заряженный, но настоящий. Кроме того, она точно не сумасшедшая.

Она страдает депрессией, которая, по ее мнению, не болезнь, но лишь «перепады настроения». Хотя депрессия длится уже восемнадцать месяцев, психически она не больна. И она не полька. Вернее, она полька и всегда ею будет, но не по паспорту и «документам, которые хранятся в архивах ратуши».

Она была вынуждена отречься от польского гражданства, когда через восемь лет пребывания здесь получила немецкое. К тому времени ее уже достали проверки иммиграционной службы, унижительные тесты на СПИД и необходимость отвечать на идиотские вопросы в анкетах.

Ей не повезло. Она приехала раньше, чем произошло объединение Европы и отменили паспорта. И спьяну подписала отказ от польского гражданства, проплакав после всю ночь.

Корреспондент той газетенки обязан был знать, что уже двенадцать лет она «настоящая немка», у нее есть все необходимые документы и право голосовать на выборах, которым она никогда не пользуется, потому что политика этой страны ее не интересует. Она родом из Кракова и всегда будет краковянкой, и паспорт тут ни при чем. Более того, она не угрожала пистолетом никакой «работнице». Она никогда бы не стала угрожать женщине!

Она угрожала этому жирному надутому индюку за вторым столом от сейфа. Он был тут начальником, и только он имел право открывать этот самый важный сейф на свете, и именно он назвал ее презрительно «банкротшей». Когда она приходила в это учреждение расфуфыренная, в короткой юбке, он обещал ей гораздо больше, чем когда видел ее в брюках и без макияжа. «Банкротша». Из его уст это звучало почти как «уличная

проститутка». В определенном смысле, она ею и была...

В банке она анализировала заявления на получение кредита. В самом конце, то есть перед окончательным банкротством, ей казалась, что она не просто лишняя, что ее мнение даже вредит.

Никто не читал ее аналитических записок. Если бы владелец ларька, продающего кебаб, представил бизнес-план большой интернет-лавки, торгующей кебабом, и просил двести тысяч евро, чтобы раскрутить дело, денег дали бы и ему. Достаточно было бы, чтобы она одобрила размер процентов.

Большинство клиентов соглашались на предложение банка, ведь это означало светлое будущее без процентов, правда, только в первом полугодии. А там будет видно. Этот спекулятивный «мыльный пузырь» неминуемо должен был лопнуть. И не надо быть вторым Кейнсом [\[2\]](#), чтобы это понять.

Если это знала она, то те, на самом верху небоскреба, тем более должны были предвидеть, причем давно. И пузырь с треском лопнул, когда она уже была в положении. От одного из «этих», с верхнего этажа.

Сперва он очаровал ее и обольстил, потом постоянно повышал по службе, а в последние два года регулярно приходил, чтобы оставить в ней свою сперму. Когда «это» произошло, а она не согласилась «решить проблему по-тихому» в лучшей швейцарской клинике, он пришел в ярость.

У него был кабинет на самом верхнем этаже офисного небоскреба во Франкфурте, членский билет христианской партии, банк, регулярно восхваляемый в подкупленных рекламой газетах, знакомства с представителями «ближнего круга госпожи канцлер», безупречная репутация и бесплодная аристократка-жена в климаксе. Ребенок от любовницы был для него слишком обременительной статьёй расходов. Но она хотела ребенка. И когда она заупрямилась, ее уволили.

Она стала номером одна тысяча восемнадцатым в списке «сокращенных по причине кризиса». Его не уволили, хотя именно он больше всех раздувал этот мыльный пузырь. Она же в очередной раз убедилась, что верхи обладают привилегией наблюдать за происходящим с безопасного расстояния.

Первое время она жила на свои сбережения. Стыдилась регистрироваться на бирже труда. Была уверена, что найдет работу в течение месяца. Во Франкфурте более двухсот пятидесяти банков.

Почти после каждого отосланного резюме ее приглашали на собеседование. У нее было внушительное CV с единственным недостатком — она была из «того самого банка». Но это было не так важно.

Самым большим препятствием был ее живот.

Беременность для потенциальной работницы вообще нежелательна, а во время кризиса тем более. Это как кредит без ипотеки. Лучше иметь рак легких, кишечника или даже мозга — главное, чтобы это было незаметно. Беременность, в отличие от рака, предвещает новую жизнь — и потенциально нового клиента, но с какого-то момента ее невозможно скрыть.

К тому времени, как она отправила более двухсот резюме, у нее закончились сбережения. И родилась Марта. Двумя неделями позже пришло приглашение из Центра занятости. Она подредактировала резюме, сделала новую фотографию, к тому же у нее уже не было живота. Она похудела так, что влезала в мини-юбки, которые когда-то надевала для этого надутого индюка-начальника. Она не желала брать деньги у банковского служащего с верхнего этажа небоскреба. Она хотела работать и возвращаться домой к Мартусе, которая стала для нее самым главным в жизни.

Она приходила в Центр занятости каждую неделю. Поначалу там лишь вздыхали, глядя на нее, потом старались поскорее избавиться, как от назойливой мухи. Каждый раз, возвращаясь к Марте, она чувствовала себя униженной.

Ей перестало хватать денег на детское питание. Потом отключили телефон, грозили отключить и электричество. Она уже не помнила, когда именно ей пришла в голову идея с пистолетом.

Она жаждала мести. За одиночество, за унижительную нищету, за всю эту систему, за их «кризис», за «привилегии верхов», за свое бессилие. Она жила в районе, где туалеты в домах находились в конце коридора, зато пистолеты можно было «достать» по цене бутылки низкосортного виски. Когда два дня тому назад «хранитель сейфа» не удосужился даже поднять голову, когда она к нему подошла, у нее лопнуло терпение...

Кубики на полу

Он уснул сегодня в полдень, сидя в песочнице на детской площадке и держа в руках картонный стаканчик с двойным эспрессо, который должен был вернуть его к жизни.

Это привело к небольшому скандалу, так как он облил кофе двух детей, что играли поблизости. К счастью, за эти несколько недель он успел почти подружиться с их мамами, поэтому легко отделался: все обошлось негодующими взглядами, упреками в безответственности и колкими замечаниями.

У Марлены сейчас режутся зубки, поэтому спит он мало. У обычных детей, как он вычитал в справочниках, первые зубы, по статистике, почти всегда прорезаются в конце двенадцатого месяца жизни.

Однако Марлена не укладывается в статистику. У нее зубки начали прорезаться на тринадцатом месяце. Когда была, скажем так, его «смена». И ей не помогают ни чаи из мелиссы перед сном, ни промывание десен настоем ромашки.

Иногда, если повезет, ему удается часика два вздремнуть.

А около шести утра он уже хлопочет на кухне, подогревает Марлене бутылочку с кашкой. Когда режутся зубки, ребенок плачет иначе, чем от голода. И он уже умеет это различать. Голодный плач тише, не такой пронзительный и, что самое главное, будит его, а не жену, и это избавляет их от утренней ссоры.

В семь тридцать жена уходит на работу, и они с Марленой остаются одни. Почти до шести вечера. Бутылочки, каши, пеленки, прогулки, раздевание, одевание, переодевание — когда слишком холодно, или слишком жарко, или на улице ветер, или ветра нет. А еще супы, пюре, деревянные кубики, детская площадка, книжки и снова пеленки.

В последнее время он выдерживает все это с трудом. Бессменное круглосуточное дежурство, а потом еще претензии жены: оказывается, он «даже не потрудился достать посуду из посудомоечной машины и корзину с пеленками тоже не вынес». Он уже не помнит, когда они в последний раз спокойно разговаривали — не о Марлене и без упреков и обид. Не говоря уже о том, что уже два месяца не спят вместе.

Все изменилось. А ведь начиналось так хорошо! Когда родилась Марлена, они договорились, что через двенадцать месяцев жена вернется на работу, а он возьмет положенный по закону двухмесячный отпуск по

уходу за ребенком и даст Марлене то, чего никогда не давал ему отец.

Теперь два месяца отпуска подходят к концу, и он ждет возвращения на работу так, как другие ждут отпуска на Сейшелах. Его все это уже достало. Он непременно должен выйти на работу, вернуться к шефу, которого ненавидит, и составлению документов, которые никто не читает.

Зато у него будет перерыв на ланч, и он возьмет книгу, купит в ларьке у турка бутерброд и спокойно почитает в парке на лавке. Он мечтает вернуться к периоду ПНМ, то есть «перед нашей Марленой».

В жизнь ПРМ, то есть «после рождения Марлены», он совершенно не вписывается.

Еще никогда ему не было так одиноко, как в эти два месяца. Он часами остается наедине с ребенком, не получая взамен ничего, кроме нескольких бессмысленно счастливых младенческих улыбок. Марлена просто есть, и она все время чего-то хочет.

Он обожает эти улыбки и любит дочку больше всего на свете, он очень хотел детей, и жена этого хотела, но он даже не представлял, что это такое — иметь ребенка. Может, потому что в ДНК мужчин отсутствует какой-то ген? Но если этот ген, несмотря на эволюцию, по-прежнему отсутствует, возможно, он мужчинам не нужен?

Или эволюция ни при чем, и он просто воспроизводит модель своей семьи и поведение отца? Но если так, почему точно так же думает пятидесятичетырехлетний Бертольд, который, как и он, по неведению ввязался в этот бессмысленный эксперимент с двухмесячным отпуском для отцов?

А ведь у Бертольда совсем другая семейная модель. «Такое могли придумать только мстительные женщины, импотенты или бездетные члены правительства», — говорит Бертольд, ссылаясь на опыт своего отца. Тот получил богатое наследство — десятка полтора каменных зданий в Берлине и Франкфурте, и ему не к чему было работать. И все же воспитывать ребенка он предоставил жене. «Выдержать такое, не утратив душевного равновесия, сохранив достоинство и не сойдя с ума, способна только женщина», — утверждал отец Бертольда, который явно знал, что говорил, так как произвел на свет восьмерых детей.

Вот и теперь свою жену он, как подчеркивает каждый раз, «уважает, обожает и со всей ответственностью и без опозданий финансирует». Когда-то Бертольд относился к этому патетическому утверждению, которое отец каждый год повторял за рождественским ужином, как к вызывающей оскмину байке нахального самца. Но последние шестьдесят дней радикально изменили его взгляды, и теперь он полностью с отцом согласен.

А может, у мужчин, по пока еще не выясненным наукой причинам, существует более важное предназначение, чем забота о детях? Ведь этого никто не замечает и не ценит — конечно, кроме самого ребенка, который, если родительские обязанности не выполнены в срок, требует своего, вопя во все горло. Какой в конечном итоге смысл подмывать, вытирать и припудривать покрасневшую попку Марлены, если бы не ее благодарный взгляд?

Через две недели он вернется на работу. И почти уверен, что его жена и Марлена ждут этот день с таким же нетерпением, как и он сам.

Правда, порой ему кажется, что, скорее всего, он не станет сидеть на скамейке в парке, а в обеденный перерыв поедет домой. Обнимет дочку, разбросает по полу кубики, а когда они вместе соберут их и малышка со счастливой улыбкой сожмет крошечной ручонкой его палец, он шепнет ей на ушко, как сильно ее любит...

Закономерный ход событий

Первый фургончик с мебелью уехал без него. Он сказал, что останется, чтобы подготовить и спустить вниз оставшиеся вещи. Он солгал. Он вовсе не собирался ничего подготавливать. Ему просто хотелось побыть одному. Вернуться в эту комнату, наполненную прошлым, посидеть в тишине на полу и попытаться смириться...

Его дочери Иоанне двадцать пять. Она умная, рассудительная и такая же красивая, как ее мать. Она влюбилась. Нашла мужчину своей мечты. И счастлива. Ему не надо ничего говорить. Он сам это видит. И слышит. Давно он не слышал по телефону такой радости в ее голосе.

Его дочери хочется все время быть вместе с любимым. Они нашли себе жилье недалеко от Франкфурта.

До недавнего времени она там только «бывала», а теперь хочет туда переехать, чтобы жить у него со своей пижамой, книгами, платьями в шкафу, косметикой в общей ванной, с общим адресом и номером телефона.

Она хочет наполнить его жилье своими вещами. Поэтому уезжает из родного дома и готова считать своим другой дом. Она позвонила ему в офис в воскресенье и спросила, найдется ли у него время помочь им «вынести барахло».

Вначале они с ее парнем вынесли диван и письменный стол, затем — стопки книг и коробки, а теперь он вернулся за остатками «барахла», и ему стало грустно.

Так не должно быть. Его дочь начинает новый этап жизни, и он должен радоваться, потому что этому рада она. Ведь то, что происходит, в порядке вещей. Он когда-то тоже покинул отчий дом.

Но то было совсем другое! Черт, все это его совершенно не радует! Какой-то чужой мужчина увозит его Иоанну. Да к тому же немец! А он ему в этом помогает.

Он подошел к холодильнику, нашел бутылку виски и лед в морозилке. Наполнил стакан до краев. Со стаканом в руке подошел к шкафу в комнате Иоанны, чтобы подготовить «следующую партию». Маленькая пыльная картонная коробка на верхней полке. Он открыл ее. Миниатюрные белые кожаные ботиночки, которые стюардесса авиакомпании LOT ^[3] по его настойчивой просьбе согласилась переправить из Нью-Йорка в Варшаву его жене.

Тогда, получив аспирантскую стипендию, он жил в Нью-Йорке.

Подарок на Рождество для маленькой Иоанны, в восемьдесят третьем году... Он уехал в Америку в октябре и за год получил кандидатскую степень, но ни разу не видел и не обнял дочку. Он не слышал, как она смеется, как сказала первое слово, не был рядом, когда она делала первые шаги. Если бы можно было вернуться в прошлое, он тогда никуда бы не уехал.

Он опустошил стакан, вернулся к холодильнику и вновь наполнил.

В дальнем углу шкафа виднелся так называемый школьный кулек — конусообразный, из фиолетовой бумаги, перевязанный красной ленточкой. Кулек наполняют сладостями, и дети берут его с собой в школу, когда идут в первый класс. Это немецкий обычай.

Он купил тогда самый большой и дорогой кулек, какой нашелся в магазине, чтобы его Иоанна была ничем не хуже немецких детей. Увозя дочь из Польши, он не мог ее спросить, хочет ли она уехать, он тогда не спрашивал даже жену. Ему казалось, они должны этого хотеть.

В те времена, когда обувь продавалась по карточкам, в Польше все мечтали уехать за границу. Тем более что там, куда он ехал, был спрос на его мозги. И это было для него самое главное.

Через четыре года учительница немецкой начальной школы написала им письмо, в котором рекомендовала «Иохане» в будущем поступать, как у нас говорят, в училище. Он не выносил, когда его Иоанну называли Иоханой. С одной буквой «н». И выбросил это письмо в мусорное ведро.

Он оказался прав: Иоанна окончила гимназию одной из лучших и поступила в институт. Сейчас она работает над кандидатской диссертацией, изучает пептиды «в рамках разработки абсолютно новой вакцины против гриппа». У него порой возникает желание встретиться с той учительницей и сказать, как сильно та ошибалась.

В глубине ящика, под грудой трусиков и бюстгалтеров, нашлись альбомы с фотографиями. Ему было неловко прикоснуться к белью дочери. Словно он — посторонний мужчина. Он открыл первый попавшийся альбом. Вот фотография испуганного младенца во время вечернего купания. Красная пластмассовая ванночка на кухне, которую согревали, включая все горелки на газовой плите. А вот снимок, сделанный на пляже в Болгарии. Иоанне тогда было три года, и в приступе нежности он играл с ней, подбрасывая на руках.

Маленькое улыбающееся создание, самое главное на свете.

Он пролистал несколько страниц. Фото заплаканной Иоанны с полицейским Лас-Вегаса. Она собрала тогда в подол платья кучу монет из игрового автомата. И хотя в Лас-Вегасе детям запрещено прикасаться к

игровым автоматам, полицейский улыбнулся и разрешил с ним сфотографироваться. Но Иоанна испугалась, увидев у него пистолет.

Она с самых ранних лет серьезно относилась к законам и правилам. Это у нее, кажется, единственная «непольская» черта.

Он неторопливо переворачивал пластиковые страницы альбомов, осторожно прикасался к фотографиям, словно это помогало оживить воспоминания. Не услышал, как Иоанна вошла в комнату и встала у него за спиной. Не успел вытереть слезы...

Ученые и поэты

Похоже, в последнее время о любви больше знают ученые, чем поэты. Многих это приводит в ужас, других, напротив, успокаивает. Для сохранения вида (в том числе и человеческого) любовь вовсе не нужна. Как раз наоборот.

С точки зрения эволюции романтическая любовь, которую так часто описывают поэты, — явление вредное, потому что удерживает самца рядом с одной-единственной самкой. Некоторых самцов надолго.

Ученые называют это моногамией. Такие самцы перестают распространять свои гены. Для вида это весьма прискорбно, так как именно благодаря смешиванию наиболее разнородных генов рождается самое здоровое потомство, конкурентное в борьбе за выживание.

Более того, иногда верность одной партнерше вообще лишает шансов иметь потомство. С точки зрения эволюции верность небезопасна. Женщина в детородном периоде (от первой менструации до менопаузы) теоретически может рожать двадцать раз, тогда как мужчина за свою жизнь способен зачать количество детей, превышающее население Китая.

Если рассматривать это в экономических категориях, получается, что любовь, удерживая мужчину рядом с одной женщиной, в той или иной мере увеличивает и без того немалое превышение предложения спермы по сравнению со спросом на нее.

Ведь моногамия не просто неестественна, это, скорее, извращение, пусть и не такое вредное, как воздержание. К счастью, моногамия присуща всего лишь трем процентам существующих на планете видов, среди которых млекопитающие отряда приматов составляют незначительную часть.

У вида *Homo sapiens* прочная моногамия встречается редко, и все связанное с вопросами ревности и измены — удел лишь поэтов и, может быть, еще судей, которые занимаются бракоразводными процессами.

Ученые заметили, что тенденция к моногамии снижается в мае. Это связано, главным образом, с биоритмами большинства живых существ. У полигамных обезьянок бонобо ^[4] и крайне любвеобильных серых полевок это связано с повышением температуры окружающей среды, а для людей цветение растений ассоциируется с пробуждением природы и новым жизненным циклом. В том числе нередко — с новым партнером или партнершей.

Исследования специалистов, в данном случае социологов, сексологов и антропологов, однозначно показывают, что процент людей, заявляющих, что «они чувствуют влюбленность», возрастает в мае более чем на шестьдесят два процента по сравнению с другими месяцами.

Один из антропологов, обаятельная американка доктор Хелен Фишер, в увлекательной книге «Анатомия любви» подробно анализирует это явление. И приходит к весьма неутешительным выводам. Любовь первой стадии, то есть влюбленность, Фишер определяет с медицинской точки зрения как сочетание двух серьезных психических расстройств: невроза навязчивых состояний и невроза, вызванного страхом.

По статистике, у влюбленных примерно двадцать пять процентов времени занимают навязчивые мысли об объекте их любви (для сравнения, те, кто в результате психического заболевания беспрестанно моют руки, тратят на это семьдесят два процента времени).

Кроме навязчивого состояния, которое сами влюбленные называют тоской, они постоянно испытывают невротический страх. Таким образом, интенсивнее всего ими владеют две эмоции: страх и тоска. Причем, как ни странно, довольно часто они тоскуют не только по любимому человеку, но и по собственному страху.

Влюбленные панически боятся быть отвергнутыми, и им необходимо постоянно ощущать этот страх. Он придает им уверенности в том, что их не бросили. Согласно результатам исследований Института имени Кинси по изучению секса, тендера и репродукции, такой страх испытывают более пятидесяти восьми процентов опрошенных. Что, в свою очередь, вызывает еще одну негативную эмоцию, сопровождающую любовь, — ревность.

Любовь описывали тысячелетиями — начиная с наскальных рисунков, древнеегипетских папирусов и античных трагедий и заканчивая всем тем, что появилось, когда Гутенберг изобрел книгопечатание. Но если что-то настолько распространено и существует так давно, то, по мнению ученых, оно не может быть явлением исключительно культурного характера и должно быть связано с природой человека.

Ведь любовь проявляется в виде определенных физиологических реакций. А если так, то за этим должны стоять какие-то молекулы, так как именно они отвечают за все наши эмоции, тем более когда речь идет о такой сильной, как любовь. Поэтому когда выяснилось, что чувства однозначно и неопровержимо связаны с определенными центрами головного мозга, ученые принялись искать эти молекулы именно там.

С помощью хроматографического анализа химических соединений они находят в мозге влюбленных главным образом амфетамины, схожие с

опиумом эндорфины, а также производные адреналина.

Любовь для людей — словно наркотик, они испуганы и возбуждены одновременно. Исследователи делают компьютерную томографию головного мозга, пытаясь обнаружить любовь, словно опухоль. А поэты? Они и так все знают. К счастью...

Вина, наказание и эволюции

Мужчина нервно озирается вокруг, закуривает очередную сигарету, не сразу замечая, что предыдущая еще тлеет в пепельнице.

— Тяжелее всего в самую первую ночь, — говорит он тихо, — когда мне снятся лица этих людей, и я тут же просыпаюсь, мокрый от пота, и стараюсь восстановить дыхание. В марте будет восемнадцать лет, как это началось. С тех пор я не могу засыпать в темноте.

Маркусу пятьдесят два года, двадцать из них он работает машинистом. Неделю назад, на маршруте «Франкфурт — Марбург» молодая женщина бросилась под поезд, которым он управлял. Врач выдал ему больничный лист. К психологу он не пошел. Потому что прекрасно знает, что услышал бы.

— Знаете, — добавляет он, — эта девушка на прошлой неделе... пятая, кого я убил. Я знаю, что не должен так говорить, это вас шокирует. Но это так. Ведь именно я убил этих людей, даже если они сами хотели умереть. После первого раза потребовался год, чтобы я осознал, что не мог это предотвратить. Самые ужасные после случившегося — первые двадцать минут. Вокруг полно народу, но ты ощущаешь полное одиночество. Ты наедине со своей виной. Это чувство доминирует над всеми остальными. Вина. Потом ей на смену приходит злость. На того, кто бросился под мой поезд. Понимаете, я словно умер вместе с каждым из них. После первого случая я не водил поезд два года. Попросил, чтобы меня перевели на работу в офис. Но там слишком скучно. Сейчас, когда я приближаюсь к тем местам, где это происходило, кроме напряжения и страха, ко мне всегда возвращается злость. Но прежде всего — чувство вины. Я понимаю, что не в силах был ничего сделать, что невозможно остановить разогнавшийся поезд за несколько метров, оставшихся между ним и этим бедолагой. Но от осознания этого мне не становится легче. Просыпаясь от ночных кошмаров, я какие-то доли секунды чувствую себя убийцей...

Американский психолог Лоренс Кольберг рассматривает чувство вины как чувство обиды или страха, возникающее после нарушения общепринятых норм. Большинство подобных ощущений связано с желанием человека наказать себя, вплоть до самоубийства. Чувство вины очень часто не имеет ничего общего с виной в юридическом смысле слова, то есть в смысле нарушения закона либо этических норм.

Речь идет скорее о внушенных с детства и понятных каждому правилах поведения. Одно из них, независимо от культуры и религии, гласит: «Не убий». Для человеческого сознания зачастую неважно, неизбежным ли было лишение кого-то жизни, произошло оно в виде самозащиты или случайно.

Человек, даже невиновный с точки зрения закона, не может автоматически избавиться от чувства вины. Насколько сильно это чувство влияет на жизнь человека, зависит от индивидуальных особенностей его психики — в частности, умения сопереживать или, напротив, включать такие механизмы психологической защиты, как вытеснение, то есть активное, мотивированное желание устранить что-либо из сознания, забывая это или игнорируя.

Американский пилот Пол Уорфилд Тиббетс, который сбросил первую атомную бомбу на Хиросиму, не считал себя преступником.

Зато Клод Изерли, который управлял самолетом, ни с кем не разговаривал в течение нескольких дней после взрыва, впал в депрессию, пытался покончить жизнь самоубийством и в итоге оказался в психиатрической клинике.

Итальянский физик Энрико Ферми, под руководством которого в сороковых годах XX века в США проводились работы по разработке атомных бомб, сброшенных позже на Хиросиму и Нагасаки, не чувствовал за собой никакой вины. Его не тронула даже информация о том, что его научная работа привела к гибели более двухсот десяти тысяч человек.

Для многих вина неразрывно связана с наказанием и раскаянием. Это еще одна независимая от культуры социальная норма, одинаково действующая как в языческих племенах Новой Гвинеи, так и в западных христианских цивилизациях.

Психологи, помогающие таким людям, как Маркус, подтверждают, что многие из их пациентов хотели бы понести наказание вплоть до тюремного заключения! Они считают, что это освободило бы их, частично или полностью, от чувства вины и мучительных угрызений совести. Немецкий исследователь психических расстройств Бургхард Андерсон утверждает, что чувство вины — нечто большее, чем просто культурное явление, и, вероятно, имеет под собой эволюционную почву, которая таким образом помогает выжить виду. Если бы люди не боялись мук совести, соблюдение моральных норм обеспечивало бы только опасение быть пойманным с поличным. Люди воровали бы, насиловали и убивали, заботясь лишь о том, чтобы не было свидетелей их преступлений. И это могло бы привести к полному вымиранию вида.

Заложенное в нас эволюцией чувство вины не менее важно, чем чувство страха, которое вынуждает нас защищаться или убегать.

Маркус нервно закуривает очередную сигарету.

— Вчера я навестил родителей той девушки с марбургского маршрута, — говорит он. — Это невероятно несчастные, отчаявшиеся люди, которые не понимают, как могли не заметить, что происходит с дочерью. Меня они ни в чем не винят. Только себя...

Вокзал в Гданьске

Я никогда не любила Сайгон. Он какой-то французско-американско-нововьетнамско-испорченный. То, что этот город переименовали в Хошимин, еще ничего не значит. Это как если Лолиту окрестить Марией Магдалиной и ждать, что она мгновенно станет святой.

Если бы Иисус не проявил милосердия к Марии Магдалине, она, скорее всего, так бы и осталась блудницей.

Однако Хо Ши Мин, без сомнения, не был Иисусом, даже если многие вьетнамцы по-прежнему верят в его непогрешимость. Он был до мозга костей пропитан коммунистической идеологией, пропагандировал конфуцианство и с презрением относился ко всему, что связано с Иисусом. Трудно поверить, что когда-то я была готова посвятить ему жизнь. Но это к делу не относится.

Я родилась на севере страны, в Ханое. Там я жила и в определенном смысле живу до сих пор. В Сайгоне я только проживаю. Вот уже тридцать четыре года.

Прежде чем поселиться здесь, я два года жила недалеко отсюда — под землей, в Кути ^[5]. А до этого — в Гданьске. Там я тоже жила. Иногда мне кажется, что только там я жила по-настоящему.

У Тан блестящие глаза и миниатюрная, как у девочки, фигурка. Ее руки от запястий до плеч покрыты глубокими рубцами от ожогов. Трудно понять, сколько ей лет. Кожа на лбу и вокруг глаз гладкая. Короткие, черные, как смоль, волосы. Она свободно говорит по-польски, но с сильным акцентом. Когда служащий отеля подходит к нам с подносом, уставленным бокалами с вином, она закрывает глаза и поспешно прижимает к себе книгу, обернутую в коричневую бумагу, словно боится, что ее могут отобрать.

— Всем известно, что некоторые события оставляют в жизни такой глубокий след, что от него невозможно избавиться ни хирургически, ни химически, — говорит Тан. — Их не свести, как татуировку. Они остаются навсегда. Эти, у меня на руках, всего-навсего от «оранжа» ^[6]. Это не так страшно. Тогда все вокруг было оранжевым и казалось таким же привычным, как сейчас — смог от выхлопных газов мотороллеров и автомобилей в Сайгоне. У меня — всего лишь шрамы на руках. А у моих подруг, у которых нет следов от ожогов, из-за отравления «оранжем» родились уроды. Чтобы вьетнамские женщины не рожали будущих

партизан, американцы либо сбрасывали на них бомбы, либо разбрызгивали «оранж». Я родила сына позже. Он нормальный. Здоровый, умный, любимый и... говорит по-польски. Я хотела родить его одному поляку. В Гданьске. У них с женой уже были две дочери, но он мечтал о сыне. В шестьдесят восьмом мне было двадцать. Я была здорова, верила в коммунизм и мечтала стать врачом. Я отправилась в Польшу поездом, через Китай, Монголию и Советский Союз и через три недели пути оказалась на Центральном вокзале Гданьска. В те годы в рамках «братской помощи» Польша принимала студентов из Вьетнама. В общежитии я чувствовала себя чужой, меня считали странной и называли «желтой». Наверное, вас это заденет, но поляки страшные расисты.

Он жил не в общежитии и годился мне в отцы. Работал хирургом и был доцентом на кафедре в медицинской академии. Он покорила меня умом и скромностью, я влюбилась, и он спал со мной. В перерывах между лекциями мы встречались в гостиницах, а когда не занимались любовью, он включал телевизор. В новостях показывали бомбардировки Вьетнама, и он, случалось, плакал. Он был странный — хирург и поэт одновременно, но явный неврастеник. Посмотрев новости, страшно ругался, выключал телевизор, пил водку из прямо из горлышка, а потом обо всем забывал. Он шептал мое имя, укладывал меня в постель и ласкал так, как если бы это было наше последнее свидание. Мужчина всегда должен ласкать женщину как в первый и последний раз. И целовал он меня так, словно это был наш последний поцелуй. На вокзале или в аэропорту. Через пять лет, тем же путем — через Советский Союз, Монголию и Китай — я вернулась в Ханой. Когда я уезжала с пропахшего мочой вокзала Гданьска, он меня не провожал. Возвращаясь на родину, я была уже не той, что раньше. Я была грустью, болью, одиночеством, а еще — грешной вьетнамской полькой. Я мысленно просила прощения у его жены, а потом, в поезде, читала вслух Галчиньского [7]. Начала в Тчеве [8], продолжила в Москве и читала до самого Ханоя. Как там...

Коль разлюбить меня потом
Тебе когда-то доведется,
Прошу, не говори о том —
Как Бог о том не говорит... [9]

— Чушь и безвкусица! Но тогда эти слова были для меня словно молитва. Я хотела быть с ним или умереть. Во Вьетнаме тогда было просто

умереть. Через два месяца после возвращения в Ханой я проехала, прошла, проползла «тропой Хо Ши Мина» [\[10\]](#) через Лаос и Камбоджу в Сайгон, а оттуда — в Кути. Это более двух тысяч километров от моего дома. Просыпаясь в джунглях, я видела вокруг обгорелые трупы и огромные, больше, чем вся территория вокзала в Гданьске, воронки от бомб. Никогда не забуду, как впервые спустилась в тоннель в Кути. Госпиталь располагался на третьем уровне под землей. Молодой парень, стоящий у люка, назвал меня «польская пани доктор» и предложил мне попрощаться с солнцем, когда закрывал за мной люк. Я провела в кромешной темноте два года. Свет включали только на время операций. Надрезая скальпелем животы, спины, головы, я всегда мысленно слышала его голос. Он говорил по-польски: «Сделай все, чтобы они как можно меньше страдали, ведь это чьи-то сын или дочь». Я слышу этот голос до сих пор. Скажите, как сейчас выглядит вокзал в Гданьске? Расскажите мне про него по-польски, пожалуйста...

Справедливость

Она вошла в зал заседаний последней и села в одном из задних рядов, у самых дверей: если вдруг станет плохо и она начнет задыхаться, так будет легче пробраться к выходу. Это уже третье судебное разбирательство, и у нее есть опыт. Во время предыдущего она сидела слишком далеко от дверей и чуть не потеряла сознание, пока выбралась в коридор после объявления решения суда.

Этот процесс ведет та же судья, что и предыдущий. У нее узкие губы и морщинистый лоб, она никогда не улыбается и говорит точь-в-точь, как приходской священник, то есть словно произносит проповедь, и так же, как он, временами резко повышает голос.

Именно поэтому она перестала приглашать в дом на Рождество священника, а на воскресную службу ездит на трамвае в костел в Муранов [\[11\]](#).

Судья кричит громче всего, когда перед ней стоит Роберт, ее сын. Смотрит на него сверху и кричит. Особенно тогда, когда Роберт начинает говорить об Ане...

Аня — единственное существо, ради которого она живет. Ее внучка, дочь сына и «этой женщины». Уже год она не называет невестку иначе, как «эта женщина». Когда-то она пыталась ее полюбить. Теперь ненавидит. Прежде всего за то, что та хочет отобрать у нее Аню, а еще за то, что испортила жизнь ее сыну. Влюбила в себя, заставила поверить, что он может привыкнуть к проклятому лицемерному миру стеклянных варшавских офисов и превратиться из простого жестянщика в хозяина автосалона. Эта женщина увезла его в Варшаву, где он чувствовал себя не в своей тарелке и передвигался, как слепой по джунглям. Одевала его так, что он выглядел жалким клоуном, приучила говорить на языке, который ему непонятен, и водила туда, где он себя чувствовал (и был на самом деле) ее лакеем. А потом, чтобы еще крепче привязать его к себе, родила Аню. А когда окончательно заперла его в клетке, влюбленного в нее и в Аню, завладела его деньгами и отправилась на охоту.

Он днями напролет клепал кузова «мерседесов», а она по вечерам встречалась в дорогих ресторанах с владельцами этих «мерседесов». Однажды в воскресенье, примерно год назад, в день рождения Ани, за завтраком, эта женщина сказала ему, что они абсолютно не подходят друг другу и что она никогда его не любила. Он ее ударил. Конечно, ему не

следовало этого делать, но мать на его месте поступила бы так же.

Ради Ани она продала дом в Томашуве и переселилась в квартиру в варшавской многоэтажке, откуда несколько минут езды трамваем до их виллы. Она не желала жить с ними, но хотела быть поближе к Ане. «Эта женщина» никогда не кормила Аню грудью, боялась испортить фигуру. Через три недели после родов она отправилась худеть в санаторий в Сопот. Ее не было ни когда Аня училась ходить, ни когда произнесла первое слово. Зато с Аней был Роберт. Все четыре года своей жизни Аня провела в основном с ним и со своей бабушкой. Четыре года именно она «принимала» внуку утром из автомобиля, вела к себе, а вечером отводила обратно к машине сына. Это она носила Аню на руках, когда у той были колики, ходила с ней в поликлинику делать прививки. Это она не спала ночью, отдав вечером Роберту кашляющую кроху, и не могла дожждаться утра, чтобы снова прижать ее к груди.

«Эта женщина» никогда не любила свекровь. С самого начала считала ее лишь матерью богатого жестянщика из Томашува, деревенщиной, которая по воскресеньям варит сыночку вонючие щи. Но когда «эта женщина» родила им, то есть ей и Роберту, Аню, это перестало иметь значение. Главной на свете стала внучка. Ради Ани она хотела выздороветь, благодаря Ане перестала ждать смерти и тосковать по Томашуву.

Так было до того злополучного апрельского воскресенья. В тот день жена Роберта собрала чемоданы, вместе с Аней села в ожидавший ее перед виллой автомобиль и уехала. Роберт заметил отсутствие дочери лишь на следующее утро, когда протрезвел. Неделью они искали Аню. Потом заявили в полицию. Ночью Роберт поехал с матерью в Вилянов [\[12\]](#), в огороженный высоким забором жилой комплекс. Он бросал камни в окна квартиры на первом этаже. Сначала вышла жена Роберта, потом высокий мужчина, а затем два бритых наголо охранника в форме запихнули Роберта и его мать во внедорожник и отвезли в участок.

Каждое утро она садилась в автобус, приезжала к их дому и стояла там до вечера. Ей удалось увидеть Аню только один раз. Она бросилась к забору, стала стучать по нему кулаками и громко кричать. Отошла только когда к забору подбежали две спущенные с цепи немецкие овчарки.

На двух предыдущих процессах судья согласилась с адвокатом «этой женщины» в том, что «отец и бабушка негативно влияют на ребенка», и лишила ответчика права видеться с дочерью на шесть месяцев. Более того, в отдельном постановлении, «руководствуясь соображениями о благе ребенка», запретила бабушке любые контакты с внучкой.

Сегодня она дождется решения суда. Если у нее снова отберут Аню,

она вернется в Томашув. Еще не знает как, но вернется. И умрет...

Дружба: версия 2.0

Действительно хороший секс бывает у меня только с теми мужчинами, с которыми нет постоянных отношений. Думаю, по одной простой причине: я сплю с мужчиной, только если сама испытываю к нему желание. А еще если не слишком хорошо его знаю. То есть знаю, но не близко. Сейчас у меня трое таких мужчин. Все они — мои друзья. У меня нет потребности встречаться с ними каждый день. Не хочу видеть их зубные щетки у себя в ванной и пить с ними на кухне утренний кофе. И не имею ни малейшего желания делить с ними быт. Я хочу их лишь время от времени. Для этого мне и надо водить с ними дружбу...

Вы спросите, как же тогда возможна близость? Хороший вопрос. Знаете, я за свою жизнь переспала примерно с сорока мужчинами, но только с четырьмя из них у меня была так называемая связь. И должна признаться, секс во время этих связей был значительно хуже. В этом нет вины мужчин. Это я, как только мы выстраивали сексуальные отношения, вскоре утрачивала к ним интерес. У моих подруг все наоборот: они говорят, что лишь построив отношения, получают сексуальное удовлетворение. Однако большинство из них давно в разводе и «удовлетворение» в последнее время ассоциируется для них исключительно с... ну, это неважно.

Я не говорю, что у меня пропадало желание заниматься сексом. Ничего подобного! Речь идет только о сексе с постоянными партнерами. Через какое-то время, как только они переставали быть для меня загадкой, я теряла к ним интерес. Мне не хватало новизны в прикосновениях их рук, губ, языка. Через несколько месяцев я точно знала, чего хочет он, и уже не хотела этого сама, хотя упорно притворялась, что хочу, дабы он ничего не заметил.

Но меня так мучили угрызения совести, что я превращалась в холодную стерву, постоянно страдающую от ПМС. В итоге, рано или поздно, либо он не выдерживал, либо я, чтобы не сойти с ума и не потерять к нему уважения, уходила первой. После чего недели две испытывала огромное облегчение и наслаждалась покоем.

А потом? Потом искала очередных отношений в разных, часто случайных, постелях. После четвертой встречи, прошедшей по такому сценарию, я открыла для себя преимущества новой версии отношений с мужчинами — этакой дружбы «с дополнением». Легче всего сблизиться с

мужчиной, который сразу предупреждает, что любит другую. С ним, скажем так, безопасно.

Это неправда, что дружба между мужчиной и женщиной невозможна. По моему мнению, очень даже возможна. Стоит отказаться от исключительных прав на мужчину, и он перестает думать, что кому-то изменяет, желая другую женщину. И даже если его хотя бы на секунду посетит подобная мысль, он и тогда не будет вполне уверен, что должен перестать со мной сближаться.

Достаточно всего лишь убедить его в том, что я не собираюсь отнимать его (а это, поверьте, весомый аргумент) у другой женщины. Мне легко их в этом заверить, потому что я действительно никого не хочу присваивать. Тогда и появляется новая, улучшенная версия дружбы. Дружба в версии 2.0. Сейчас модно присваивать всему номера. Вы как информатик постоянно работаете над новыми версиями программ, а значит, отлично понимаете, что я имею в виду, правда?

Как появляется эта новая версия? Так же, как у вас. Подобно тому, как вы изучаете проблему, я вначале изучаю мужчин. Мы долго разговариваем, постепенно сближаясь. Требуется лишь немного вина и как можно больше внимания с моей стороны. Мужчины обожают, когда их слушают и ими восхищаются. Бывало даже так, что я восхищалась тем, в чем ничего не смыслила. Причем вполне искренне. Например, Роберт. Он физик, кандидат наук, занимается новыми возможностями применения лазера. Для меня лазеры ассоциируются исключительно с избавлением от морщин, а он с воодушевлением говорил о том, как лазерами можно возбуждать плазменную массу неустановленной энтропии. Когда дошло до того, что ее удалось возбудить, я тихонько коснулась его руки, посмотрела восхищенно в глаза и облизала губы. Я с самого начала стараюсь добавлять эротики в такую дружбу. Роберт был растроган и возбужден. Я видела это. Потом оказалось, что Сьюзен, вместе с которой он живет уже два года, больше не в силах слышать о лазерах. А я охотно слушаю. Вы потом объясните мне, что такое энтропия? Ему не удалось. Перед тем как мы с ним первый раз переспали, он тоже рассказывал мне о лазерах. Похожая история была со Стефаном, специалистом в области анализа биржевых курсов, и с Карстеном, который увлекался историей тоталитарных режимов. Карстен единственный из них женат. Когда мы встречаемся, он с самого начала бывает возбужден, так как знает, что мы делаем что-то запретное. К тому же он занимается сексом с женой реже, чем те двое со своими подругами. В данной ситуации это плюс.

Почувствовав желание заняться сексом, я высылаю каждому из них

эсэмэску. И как правило, мгновенно получаю ответ. Потом выбираю, кого из них хочу и кому позволю к себе прикоснуться. И все получается как нельзя лучше. Вторая встреча, любопытство, вкусный ужин, интересная беседа — все это помогает преодолеть стыдливость и делает вечер, а иногда и ночь, особенными. Пока мне этого хватает, хотя я не потеряла надежду завести с кем-нибудь серьезные отношения. Я хотела бы когда-нибудь проснуться воскресным утром и прильнуть к мужчине, с которым живу, а не только «встречаюсь». Ведь у любви не может быть новых версий. Как вы думаете?

Любовь в закоулках памяти

По правде сказать, он очень долго высмеивал этот, так сказать, праздник. Он рос в эпоху, когда было принято отмечать Международный женский день, а слова «коммерция» в Польше не существовало, хотя все о ней, тогда недоступной, грезили. В те годы четырнадцатое февраля было самой обычной датой, и никто не связывал ее с темой любви. То есть он уделял ей внимания не больше, чем в любой другой день. Но вот уже несколько лет, как все стало по-другому. Его раздражает коммерческий, ярмарочный, отдающий кичем характер нового праздника, хоть он и признает в нем положительные моменты.

Прежде всего он заметил, что этот праздник заставляет больше думать о близком человеке. Когда с самого утра повсюду — по радио и телевизору, из газет, интернета и с уличных плакатов нам твердят, что все и каждый в отдельности кого-то любят и сегодня уделят друг другу больше внимания, мы невольно задумываемся о своей любви к одному (или не одному) человеку.

Напоминать людям о любви — дело прекрасное и благородное, поэтому с некоторых пор он признает, что это все-таки важный праздник. Не обязательно всеми любимый. Кое-кто охотно раз и навсегда исключил бы его из календаря, так как в этот день их грусть усиливается, а особенное внимание к такому празднику бережит старые раны и даже вскрывает нарывы, напоминая об одиночестве. Радикальное «раз и навсегда» часто вызвано безысходностью, которая актуальна на данный момент, но, подобно вчерашней газете, через несколько месяцев, недель, а может, и дней устареет. Ведь магия любви состоит еще и в том, что она приходит к нам неожиданно. И это неправда, что первая любовь самая главная. Самая главная, по его мнению, последняя любовь. Но каждая любовь, встреченная на пути к «самой главной», имеет к ней отношение. Он осознал это всего года два назад...

Вот уже несколько лет четырнадцатого февраля он любит бродить по закоулкам своей памяти, в которых живут воспоминания о прошлой любви...

Некоторые из них очень старые. Самое давнее — о Кинге. Длинная светлая коса, перевязанная красным бантом. На переменах в школе он всматривался в эту красную бабочку на темно-синем фартуке. Она была на голову выше его.

Попроси она, он бы носил бы за ней ранец.

Ее бабочка снилась ему по ночам. Она летала над зеленой лужайкой с огромным коконом, набитым чернильницами. Теперь он думает, что этот сон словно сошел со страниц какой-то рукописи Фрейда. После каникул, в третьем классе, Кинга навсегда исчезла из его жизни. Она переехала вместе с родителями в другой город.

В другом уголке памяти живет Марта. Он вставал пораньше и шел в школу окольным путем, чтобы видеть, как она шагает впереди. Писал ей письма печатными буквами, чтобы одноклассники не узнали его почерк, и оставлял в конвертах между рейками скамейки под ее плащом в школьной раздевалке. Иногда, когда в раздевалке никого не было, утыкался лицом в ее плащ. Она была на два года старше, но даже когда окончила начальную школу и перешла в среднюю, он продолжал ходить тем же путем, высматривая ее среди прохожих. Кто знает, обратила ли она хоть раз внимание на маленького мальчика, что тенью следовал за ней попятам...

А еще у него есть воспоминание о Марии. Пока она не бросила его ради другого, он успел поверить, что он с ней навсегда. А она — с ним. В семнадцать лет «навсегда» имеет совсем другой масштаб. Она писала ему письма в стихах, он покупал ей фиолетовые фрезии. Тогда он еще не представлял, что такое «прикоснуться к женщине», но ему казалось, что он прикасается. К единственной женщине на свете. И он действительно прикоснулся к ее маленькой груди в бюстгальтере под толстым синим шерстяным свитером на лестничной клетке многоэтажки, в которой она жила. Возвращался домой с ощущением этого прикосновения, чувствуя, что влюблен до безумия. Именно тогда он заметил, что любовь сопровождается надоедливой, появляющаяся с каждой мыслью о любимой эрекция. Когда Мария ему изменила, позволив прикасаться к ее свитеру другому, он страдал и скулил, как верный пес, который не понимает, за что его отшвырнул хозяин. С Марией, а скорее, после нее, он понял, что женщины могут причинять нестерпимую боль, а их обещания имеют ограниченный срок действия.

Из следующего тайника памяти он бы извлек воспоминания о девушке, которую звали Мира. У нее были рыжие волосы ниже пояса. Это была чистая эротика. Шальные студенческие годы, дешевое вино, еще более дешевое разбавленное пиво, ночные разговоры о Воячке, Маркесе и Солженицыне. Если бы тогда существовал круглосуточный «Fast Food» вроде «Макдональдса», сегодняшним аналогом была бы «Fast Love», открытая всю ночь. Он «исследовал» Миру в двадцатиградусный мороз на остановке, когда они ждали автобус номер пятнадцать, в подвале большого

здания, в котором жил, на обочине дороги, ведущей к ее дому в пригороде. Но в какой-то момент они вдруг поняли, что увлечение творчеством Воячека, как и секс, имеют мало общего с любовью.

Затем шел «закоулок» жены. Самый большой, с бесчисленными воспоминаниями. Они прожили в одном углу почти двадцать лет. А потом она выбросила его оттуда. В нирвану. И наверное, была права. Был в его жизни период, когда, будь он женщиной, и сам бы себя выбросил.

После нирваны он встретил свою последнюю любовь. Последнюю, самую главную...

Состязание умов

Группа титулованных старцев — членов Нобелевского комитета вскоре объявит, кто в этом году оказался самым умным в мире. Лауреаты, как обычно, будут давать интервью и подыскивать портных, которые сошьют для них фрак или вечерний туалет для торжественного приема в Стокгольме.

Бульварная пресса станет обсуждать размер премии, а более солидные издания — пытаться объяснить читателям, почему и за что именно профессор X провозглашен самым умным физиком, химиком, врачом или экономистом, а Y — лучшим в мире писателем или поэтом. На родине каждому лауреату закажут памятник, про них напишут в энциклопедиях, и X или Y примется купаться в народной славе. Нобелевская премия — это пропуск в вечность, порой выданный «не по адресу».

Кроме намеренных либо случайных ошибочных решений, история Нобелевской премии имеет мрачные страницы. Если про кого-то «забыли», это, в меньшей или большей мере, остается его проблемой. А вот незаслуженное присуждение премии автоматически возносит на высшую ступень научного либо литературного пьедестала кого-то, кто там ни при каких условиях находиться не должен.

Так было, например, в случае с Фрицем Габером, которого считают создателем химического оружия. Немецкий еврей Габер начиная с 1910 года работал в Берлине, в Институте физической химии и электрохимии кайзера Вильгельма, над внедрением отравляющих газов. Он делал это с полной отдачей и преданностью делу, отлично понимая, что служит машине, которая убивает людей.

В массовом масштабе. После Первой мировой войны он опасался, что будет осужден за военные преступления. Вместо этого в 1918 году ему присудили Нобелевскую премию в области химии «За синтез аммиака из составляющих его элементов».

В истории Нобелевской премии есть немало интересного, в том числе поучительного и забавного. Взять хотя бы премию в области физики, присужденную в 1978 году.

Два молодых астрофизика Роберт Вудро Уилсон и Арно Элан Пензиас в 1965-м попробовали использовать для своих исследований большую коммуникационную антенну, собственность лаборатории компании «Белл телефон», находящейся в Холмдел, штат Нью-Джерси.

При проведении эксперимента им постоянно мешал шум, похожий на тот, какой слышен (и виден) в телевизоре, не настроенном ни на какой канал. Шум появлялся независимо от времени года и поступал с разных сторон Вселенной, то есть не был сфокусирован. Молодые ученые шаг за шагом исключали все, что могло этот шум вызывать. Проверяли электронные системы, изолировали кабели, вычищали пыль из розеток и даже удаляли экскременты птиц, которые те без всякого уважения к науке оставляли на поверхности антенн. А примерно в пятидесяти километрах к востоку от Холмдел, в знаменитом Принстонском университете, группа ученых под руководством Роберта Дикке тем временем пыталась обнаружить то, от чего Пензиас и Уилсон с таким усердием старались избавиться.

Дикке, вдохновленный работами астрофизика Георгия Гамова, искал так называемое фоновое излучение, которое в виде микроволн является эхом Большого взрыва и должно заполнить Вселенную, в том числе достигнув и нашей планеты. В одной из своих статей Гамов даже предположил, что для поиска этого излучения можно использовать коммуникационную антенну в Холмделе. Однако ни Дикке, ни Пензиас, ни Уилсон не читали этой публикации.

В поисках помощи молодые энтузиасты как-то позвонили в Принстонский университет и рассказали про свои проблемы профессору Дикке. Вскоре после этого телефонного разговора в престижном «Астрофизическом журнале» вышли две статьи: в одной из них Пензиас и Уилсон описывали свой эксперимент с шумом, а в другой Дикке объяснял природу этого шума. В 1978 году, когда Пензиасу и Уилсону вручили Нобелевскую премию за «открытие космического излучения», Дикке можно было лишь посочувствовать.

Сложно сказать, правда ли это, но в среде американских астрофизиков бытует легенда о том, что Пензиас и Уилсон после объявления их нобелевскими лауреатами первым делом купили экземпляр «Нью-Йорк тайме». Якобы только тогда они поняли значение открытия, за которое получили премию.

Вислава Шимборская, награжденная Нобелевской премией по литературе «за поэзию, которая с предельной точностью описывает исторические и биологические явления в контексте человеческой реальности», 3 октября 1996 года поступила иначе. Она позвонила сестре. Трубку взяла племянница. Когда Вислава попросила позвать к телефону маму, девочка сообщила, что «мама еще спит, но она может ее разбудить». Новоиспеченный нобелевский лауреат попрощалась, сказав: «Не надо, не

буди ее, ничего особенного не произошло...»

Ventral palladium

— Вы спрашиваете о счастье? Однажды я его испытала, и когда вспоминаю об этом, мне становится жутко. Трудно в таком признаваться, но чтобы описать те минуты, а это состояние длилось всего несколько минут, мне приходится употребить слово «счастье». Парадоксально, но именно его, и никакое другое...

Женщина замолкает. Нервно достает сигареты. Через мгновение продолжает тише, тщательно подбирая слова:

— В больничной палате умирал мой отец. Я нежно гладила его ладонь. Мы с сестрой и мамой сидели у его кровати, как почти каждый день в течение многих недель. Он уходил, и я давно уже знала, что придет час, когда он покинет нас навсегда. Это случилось после полудня. Его открытые глаза смотрели, не видя, дыхание становилось все слабее, пальцы постепенно разжимались.

И вдруг я услышала громкий писк аппарата, контролирующего биение сердца. Синусоида на зеленоватом экране монитора превратилась в прямую линию. Не выпуская ладони отца, я второй рукой крепко сжала пальцы сестры. Мать плакала и молилась, сестра смотрела на меня отсутствующим взглядом. Я не понимала, что делать дальше. Мой отец умер.

Мне стало не хватать воздуха, я начала задыхаться. Выбежала из палаты и как безумная понеслась по ступенькам вниз. Остановилась лишь в сквере перед больницей. Села, запыхавшись, на деревянную лавку, прикрыла глаза от ослепительных лучей летнего солнца и, знаете... внезапно увидела перед собой отца. Не исхудавшего, с серой после химиотерапии, покрытой ранками от капельниц и уколов кожей, ввалившимися глазами и потухшим взглядом, нет.

Я увидела его совершенно другим. Он с рюмкой вина стоял, улыбаясь, у елки и вешал на нее блестящий шарик. Издалека доносилась мелодия колядки, в комнате стоял запах его любимых сигар и хвои, а я выглядывала из-под кресла, лежа на ковре. Отец время от времени поглядывал на меня и улыбался. Потом я увидела его на пляже: он с радостным криком бросался в воду, разрезая телом волны. А потом — нас вместе, в его комнате: он сидел за письменным столом, объясняя мне математическое уравнение. А потом он бежал за мной, придерживая одной рукой мой велосипед. Потом... Знаете, что было потом?

Летнее солнце согревало меня, сидевшую на лавке, пахло травой, а я

просматривала, закрыв глаза, калейдоскоп воспоминаний об отце и... вдруг почувствовала, как меня окатило волной радости и благодарности за то, что все это было в моей жизни. Я ощутила необычайное единение с миром и внутреннюю гармонию. Как если бы в эту секунду открыла для себя глубинный смысл жизни и смерти.

Такое происходит с человеком, когда он счастлив, ведь так? В палате на третьем этаже только что умер мой отец, а я на этой лавке ощутила что-то похожее на счастье. До сих пор не могу понять, как такое могло произойти, но так оно и было.

Со счастьем, этим самым желанным чувством, связано немало парадоксов. Его взаимосвязь со смертью и горем — только один из них. В общем-то не такой уж и странный, если, например, читать поэзию и прозу эпохи романтизма или слушать музыку того времени. Счастье становилось интенсивнее, когда сталкивалось со смертью. Если бы не было смерти, счастье, по мнению поэтов и писателей той эпохи, не имело бы права на существование. И так считали не только романтики. Имре Кертес, современный венгерский писатель, награжденный Нобелевской премией за роман «Без судьбы» пишет: «Ведь даже там, у подножия труб крематориев, в перерывах между муками, случалось что-то похожее на счастье» [\[13\]](#).

За тысячи лет счастье получило миллион определений. Подобно Аните, ощутившей счастье сразу же после смерти отца, Эпикур считал его состоянием абсолютного единения с миром и познания смысла бытия, а пессимист и циник Шопенгауэр полагал, что счастье — всего лишь отсутствие скуки.

Не зная толком, что это такое, именно счастье положил в основу этического принципа Джон Локк в 1689 году, а затем о нем еще и написали в конституции США.

А после пытались (правда, безуспешно) обнаружить его в сердце, и только позже, когда появились соответствующие приборы — в мозге, там, где и следовало искать. И нашли.

Оно очень похоже на опиоиды вроде морфина. Это субстанция, появляющаяся в очень большой концентрации в области ventral palladium (небольшого эллипсоидального участка промежуточного мозга) и немного меньшем по размеру orbitofrontal cortex (участке коры головного мозга, находящегося в лобной доле прямо над глазами). Мир узнал об этом не из книг прекрасных стихов, а из скучных научных журналов.

Оказалось, что счастье — это недолговечная маленькая частица, которая спряталось в закоулках мозга с загадочно звучащими названиями. На самом же деле человеческое счастье так и осталось тайной. Если

провести опрос на улицах Франкфурта, Варшавы или Нью-Йорка, каждый описал бы его по-своему.

Поисковая система Google выдает сегодня более двадцати пяти миллионов ссылок, относящихся к понятию «счастье». И с каждым днем их будет все больше.

Поиски счастья кажутся охотой за призраком. Но может быть, именно в этом заключается его магия? В постоянном поиске, ошибках и разочарованиях? А может, его вовсе не надо искать, потому что оно находит нас само. В самый неожиданный момент. Проникая сквозь несчастье и смерть...

Биография женственности

Вы когда-нибудь задумывались о том, что биография женщины — это биография ее груди? Я читала ваши книги. Вы можете на меня обидеться, но у меня такое впечатление, что вы видите у женщин лишь два органа: мозг и грудь — большую, тяжелую, пышную. И лучше всего, когда у обладательницы такой груди еще и стройное тело.

Возможно, вы сами не заметили, но это именно так. Вы почти типичный, классический самец. А если бы не ваше преувеличенное, по моему мнению, преклонение перед женским умом, были бы абсолютно типичным. В ваших книгах женская грудь такая же ненастоящая, как мужчины, что к ней прикасаются. Знаете что? Вы в своих книгах постоянно лжете. Правда, как мне кажется, больше о мужчинах, чем о груди. Женская грудь привлекает ваше внимание, да? Можете не отвечать. Мое внимание она тоже притягивает. Женские груди просто супер! Они такие же разные, как женщины, которым принадлежат. А теперь внимательно осмотритесь вокруг. Незаметно гляньте на мужчин, что сидят сейчас в этом баре. Бары в гостиницах рядом с пляжами — настоящий рай для мужчин. В некоторых странах раем, по мнению мужчин, является сам пляж. Но мы с вами в Турции. Здесь нельзя снимать бюстгальтер. К примеру, вон тот лысый толстяк за соседним столиком — он только делает вид, что читает газету. А на самом деле закрывается ею от жены и из этого укрытия, как загипнотизированный, глазеет на грудь той молодой девушки. Вы заметили? Да нет, не толстяка! Грудь этой девушки...

Когда-то у меня тоже была такая грудь. Это было, наверное, началом ее биографии. Я утягивала ее слишком тесным бюстгальтером. Тридцать лет назад. У нашей учительницы по физкультуре тоже была такая. Я восхищалась ею. Грудь округлая, большая. Такая же, как моя, с той лишь разницей, что свою я прятала под просторным свитером и сдавливала тесным бюстгальтером, чтобы не бросалась в глаза. Даже не знаю, зачем я это делала. Потом был институт. Все мужчины, с которыми я знакомилась, скажем так, поближе, стремились коснуться моей груди. Тогда это меня удивляло. Сегодня удивило бы, если бы им это было неинтересно. Но тогда я была буквально шокирована. Я заметила, что большинство мужчин, едва прикоснувшись к моей груди, тут же меня бросали. У меня было такое чувство, будто они меня не замечают, что я для них — лишь два выпирающих шара на сколько-то сантиметров ниже головы. Я решила это

изменить. Я хотела, чтобы они наконец заметили мою голову. И начала худеть. Перед окончанием института я стала вашим литературным идеалом: исключительно худой девушкой с исключительно большой грудью. Однако это не принесло ожидаемого результата и к тому же оказалось вредным для здоровья. Я смирилась с тем, что у мужчин это «в крови», и со временем просто привыкла к своей груди.

Затем было первое место работы. Однажды я присутствовала на корпоративном ужине. Там были восемь мужчин — и я. Для моей профессии это нормально. В какой-то момент я заметила, что все, включая официанта, который принес вино, смотрят только на мою грудь. Тогда я приложила указательный палец к декольте и, указывая им на подбородок, громко сказала: «Мое лицо здесь, именно здесь, посмотрите выше». Только официант не понял и продолжал глазеть на мою грудь. Впрочем, как вскоре выяснилось, он был итальянец. Правда, хорошо говоривший по-немецки. Итальянцы, если их что-то сильно заинтересует, перестают слушать. А уж если их заинтересует женская грудь или попка, перестают еще и соображать. Наверное потому, что думают только об одном.

Среди тех восьми мужчин был один, особенный. Через год он сделал мне предложение. За тот год я поняла, что моя грудь может доставлять много радости. И ему, и мне. До того я никогда ее так не воспринимала. Моя грудь вдруг стала эротичной, чувственной... Это был новый период ее биографии. Я начала ее любить. Прячала от других и обнажала для него. Я хотела, чтобы он к ней прикасался, целовал и иногда кусал. У нас были и другие игры. Я надевала самые красивые бюстгалтеры и мечтала, чтобы он их срывал. И он это делал.

Через два года я носила нашего ребенка. Это был абсолютно новый период биографии моей груди. Мне казалось, что живот у меня не округляется. На самом деле я просто не могла это видеть из-за все увеличивавшейся груди. После родов она стала похожа на два арбуза. Я не могла спать лежа, иначе бы задохнулась, и спала сидя. Грудь, обернутая пеленками, не спала. Регулярно, как из двух фонтанов, из нее струилось молоко. Его было столько, что я могла бы выкормить все отделение новорожденных в роддоме. В одну из бессонных ночей я изменила свои жизненные планы. Больше никаких детей! Если моя грудь не взорвется и я не погибну во время этого взрыва, мужу придется смириться с тем, что он будет отцом единственного сына. Потом, когда через несколько месяцев грудь обрела прежний размер, я передумала.

Сегодня я прикасаюсь к ней даже чаще, чем мой муж. Об утрате полового влечения вы тоже пишете в своих книгах. Кроме того, я регулярно

делаю маммографию. И даже разговариваю со своей грудью. Как с цветами на балконе. Я не хочу, чтобы они росли слишком быстро, и прошу, чтобы вместе с ними не выросли какие-нибудь сорняки. Недавно я спросила мужа, на что он обратил внимание, когда впервые меня увидел. Он ответил: «на восхитительные ноги». Я улыбнулась. Я ведь знаю, что он не мог их видеть: я была тогда в длинном, до пола платье. Зато с большим декольте...

notes

Примечания

Облатка — тонкая лепешка из пресного теста наподобие вафли, рождественский хлеб причастия в католическом обряде. У народов Восточной Европы существует традиция в сочельник делиться друг с другом облаткой.

Кейнс Джон Мейнард (1883—1946) — английский экономист, основатель кейнсианства и макроэкономики как науки.

Польская авиакомпания.

Карликовые шимпанзе.

Сеть подземных тоннелей протяженностью более 200 км недалеко от Сайгона, где скрывались партизаны Вьетконга во время Вьетнамской войны.

Химическое оружие, применявшееся американской армией во Вьетнаме. Получило название от оранжевых бочек, в которых его перевозили.

Константы Ильдефонс Галчиньский (1905—1953) — известный польский поэт.

Город в Польше.

Пер. С. Шоргина.

В 1959—1975 гг. жизненно важный маршрут сквозь горный хребет, проделанный для доставки грузов из Северного в Южный Вьетнам, постоянно подвергавшийся бомбардировкам армии США. За 16 лет на «тропе» погибли около 20 тысяч человек.

Район Варшавы.

Дачная местность близ Варшавы.

Пер. Ю. Гусева.